5.4.7

Социология управления (социологические науки)

Sociology of Management

DOI: 10.33693/2223-0092-2026-16-3-153-165

УДК: 316

ГРНТИ: 04.81

EDN: TISPGO

Образ умного города в кинематографе как объект исследования в социологии управления (на примере Москвы)

А.В. Гараганов ©

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: arturcompany21@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается образ умного города в кинематографе как объект исследования социологии управления. Обосновывается, что кинематограф не только отражает общественные представления о технологически организованной городской среде, но и участвует в конструировании коллективных ожиданий, страхов, ценностей и нормативных моделей, связанных с цифровым управлением, алгоритмическим контролем, безопасностью, мобильностью, визуальной идентичностью, социальной стратификацией и трансформацией городской повседневности. Умный город анализируется как социально-политическая и культурно-семиотическая форма организации пространства, власти и коммуникации. На материале ключевых направлений мирового кинематографа, а также на примере Москвы как города, активно формирующего собственную экранную идентичность, выявляются основные репрезентации умного города: город-машина, город-паноптикум, город-платформа, город-симулякр, город неравенства, город управляемой безопасности и город смысловых взаимодействий. Особое внимание уделяется тому, каким образом экранные образы позволяют исследовать противоречия между эффективностью и свободой, комфортом и контролем, инфраструктурной рациональностью и человеческой автономией, цифровизацией и культурным доверием. Делается вывод о целесообразности включения кинематографического анализа в исследовательский инструментарий социологии управления, поскольку кино выступает значимым архивом общественного воображения, фиксирующим не только существующие практики городского управления, но и возможные сценарии его будущего.

Ключевые слова: умный город, социология управления, кинематограф, социальная урбанистика, ИИ, доверие, визуальная идентичность, креативная экономика, нейросоциальный интеллект, цифровые платформы, медиа

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ: Гараганов А.В. Образ умного города в кинематографе как объект исследования в социологии управления (на примере Москвы) // Социально-политические науки. 2026. Т. 16. № 3. С. 153–165. DOI: 10.33693/2223-0092-2026-16-3-153-165. EDN: TISPGO

© Издательский дом «Юр-ВАК»
© Все права защищены

DOI: 10.33693/2223-0092-2026-16-3-153-165

The Image of a Smart City in Cinema as an Object of Research in the Sociology of Management (Using Moscow as an Example)

A.V. Garaganov ©

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: arturcompany21@gmail.com

Abstract. This article examines the image of the smart city in cinema as a research object in the sociology of governance. It argues that cinema not only reflects public perceptions of a technologically organized urban environment but also participates in the construction of collective expectations, fears, values, and normative models related to digital governance, algorithmic control, security, mobility, visual identity, social stratification, and the transformation of urban everyday life. The smart city is analyzed as a socio-political and cultural-semiotic form of organizing space, power, and communication. Using key trends in world cinema, as well as the example of Moscow as a city actively shaping its own on-screen identity, the key representations of the smart city are identified: the city-machine, the city-panopticon, the city-platform, the city-simulacrum, the city of inequality, the city of managed security, and the city of meaningful interactions. Particular attention is paid to how screen images allow us to explore the contradictions between efficiency and freedom, comfort and control, infrastructural rationality and human autonomy, digitalization and cultural trust. It is concluded that it is appropriate to incorporate cinematic analysis into the research toolkit of the sociology of governance, as cinema serves as a significant archive of the public imagination, capturing not only existing urban governance practices but also possible scenarios for its future.

Key words: Smart city, sociology of governance, cinematography, social urbanism, AI, trust, visual identity, creative economy, neurosocial intelligence, digital platforms, media

FOR CITATION: Garaganov, A.V. (2026). The image of a smart city in cinema as an object of research in the sociology of management (using Moscow as an example). *Sociopolitical Sciences*, 16(3), 153–165. DOI: 10.33693/2223-0092-2026-16-3-153-165. EDN: TISPGO

FOR CITATION: Garaganov A.V. "The Image of a Smart City in Cinema as an Object of Research in the Sociology of Management (Using Moscow as an Example)." *Sociopolitical Sciences*. Vol. 16 no. 3 (2026): 153–165. DOI: 10.33693/2223-0092-2026-16-3-153-165. EDN: TISPGO

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современный город все чаще описывается языком данных, платформ, сенсоров, алгоритмов, сетевой инфраструктуры и управленческой оптимизации. В публичной политике, урбанистике и административной риторике понятие «умный город» обычно связывается с повышением эффективности городских сервисов, рационализацией транспортных потоков, цифровизацией коммунального хозяйства, развитием систем безопасности, электронным участием граждан, экологическим мониторингом и внедрением искусственного интеллекта в процессы принятия решений. Однако за этим технологическим словарем скрывается значительно более сложная социальная реальность. Умный город является не только совокупностью цифровых устройств и инфраструктурных решений, но и новой моделью власти, уникальным режимом видимости и способом организации городской повседневности, в котором человек становится одновременно пользователем, источником данных, объектом заботы, классификации и управления.

Именно поэтому образ умного города требует исследования в перспективе социологии управления. Социологический анализ позволяет увидеть в «умности» пространства не нейтральную технологическую характеристику, а особую форму социального порядка. Вопрос заключается в том, кто управляет интеллектуальными системами, получая доступ к данным; какие группы населения оказываются включенными или исключенными из новых инфраструктур; как меняются формы гражданского участия и каким образом алгоритмы перераспределяют возможности, риски

и жизненные шансы горожан. В этом смысле умный город становится полем столкновения технократического, демократического, рыночного, бюрократического, гуманистического и постгуманистического проектов будущего.

Цель настоящей статьи – рассмотреть кинематографический образ умного города как социокультурную и управленческую репрезентацию, позволяющую выявить социально-политические противоречия цифровой урбанизации.

Для достижения поставленной цели решаются следующие исследовательские задачи:

- определить эвристический потенциал кинематографа для социологии управления;
- рассмотреть основные типы экранной репрезентации умного города;
- выявить управленческие смыслы, связанные с образами цифрового контроля, безопасности, платформенности, социальной стратификации и городской идентичности;
- показать значение московского кейса для анализа культурной политики умного города.

Методологическую основу статьи составляют положения социологии управления, социологии города, визуальной социологии, социологии культуры, политической социологии и киноведения. Используются элементы дискурсивного, визуально-социологического, сравнительно-типологического и институционального анализа. Теоретическими ориентирами выступают идеи М. Кастельса о сетевом обществе, А. Лефевра о производстве пространства, М. Фуко о дисциплинарной власти, К. Линча об образе города, С. Милгрэма о городском опыте, Б. Латура об акторно-сетевых взаимодействиях, а также современные исследования умного урбанизма [15; 17; 18].

У современного города есть визуальное измерение, без которого невозможно понять его управленческую природу. Город не только функционирует, движется, потребляет энергию, строит маршруты и производит данные. Он «смотрит и видит», наблюдает за потоками, фиксирует лица, считывает сигналы, транслирует изображения, наполняет пространство экранами, указателями, фасадной подсветкой, рекламой, навигацией и цифровыми интерфейсами. Одновременно он сам становится объектом туристического, кинематографического, административного, медийного, гражданского взгляда. Вечерняя Москва, например, с ее светящимися окнами, витринами, фасадами, экранами телефонов жителей и гостей, навигационными табло, рекламными поверхностями и потоками людей в метро представляет собой плотную семиотическую ткань образов. Человек идет по улице и проходит сквозь память фильмов, городские мифы, рекламные сообщения, цифровые подсказки, короткие видео, визуальные коды платформенной повседневности. Здесь и возникает вопрос, принципиальный для социологии управления: *что такое город сегодня, если значительная часть его социальной жизни конституируется через экран*?

Особую роль в формировании общественного понимания умного города играет кинематограф (рис. 1). Кино обладает способностью превращать абстрактные управленческие и технологические процессы в зримые образы, эмоциональные конфликты и драматические сюжеты. Там, где научная статья говорит о цифровой инфраструктуре, фильм показывает город, в котором камеры следят за происшествиями, а где управленческий документ обещает повышение безопасности, экран демонстрирует мир, где безопасность появляется благодаря контролю. Предположим, урбанистическая концепция утверждает оптимизацию мобильности, а кинематограф выявляет тревогу перед исчезновением спонтанности, случайности и человеческой непредсказуемости. Ранее считалось, что экранное искусство является вторичным отражением социальной реальности. Но в современном мире, кинематограф становится самостоятельной формой социального знания, в которой сконцентрированы: моральная дилемма, общественные ожидания, страхи и социальные противоречия.

Традиционно принято считать, что кинематограф показывает город. Однако в рамках социологии культуры этот тезис требует существенного уточнения. Кино не просто репрезентирует городское пространство, оно участвует в производстве его социальной реальности в бергеровско-лукмановском смысле [4]. Телевизионный или киносюжет формируют мифологию города, его коллективные надежды, образ желаемого или нежелательного будущего. Документальный фильм, также как и художественный сериал, превращают пространство в нарратив, архитектуру в знак, повседневность в культурный текст, инфраструктуру в драматургию человеческого существования [12].

Именно поэтому кинематограф следует рассматривать не как внешнее украшение городской культуры, а как один из институциональных языков современной социальной урбанистики, посредством которого город осуществляет коммуникацию с человеком и с самим собой.

Здесь уместно обратиться к концепции «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона [1]. Подобно тому как печатный капитализм конституировал национальную идентичность, экранная культура в современную эпоху конституирует идентичность городскую. Москва существует не только в камне, метро, бульварах, университетах, транспортных развязках, жилых кварталах и административных границах. Она существует в культурном производстве образов о себе самой. Экранная Москва – это даже не иллюстрация к реальному городу, а один из способов его социального бытия. Город, который многократно показан, рассказан, снят, смонтирован, озвучен и пережит зрителем, начинает существовать как коллективная воображаемая реальность, влияющая на практики поведения, ожидания жителей, туристические маршруты, инвестиционные решения и политические интерпретации городской модернизации.

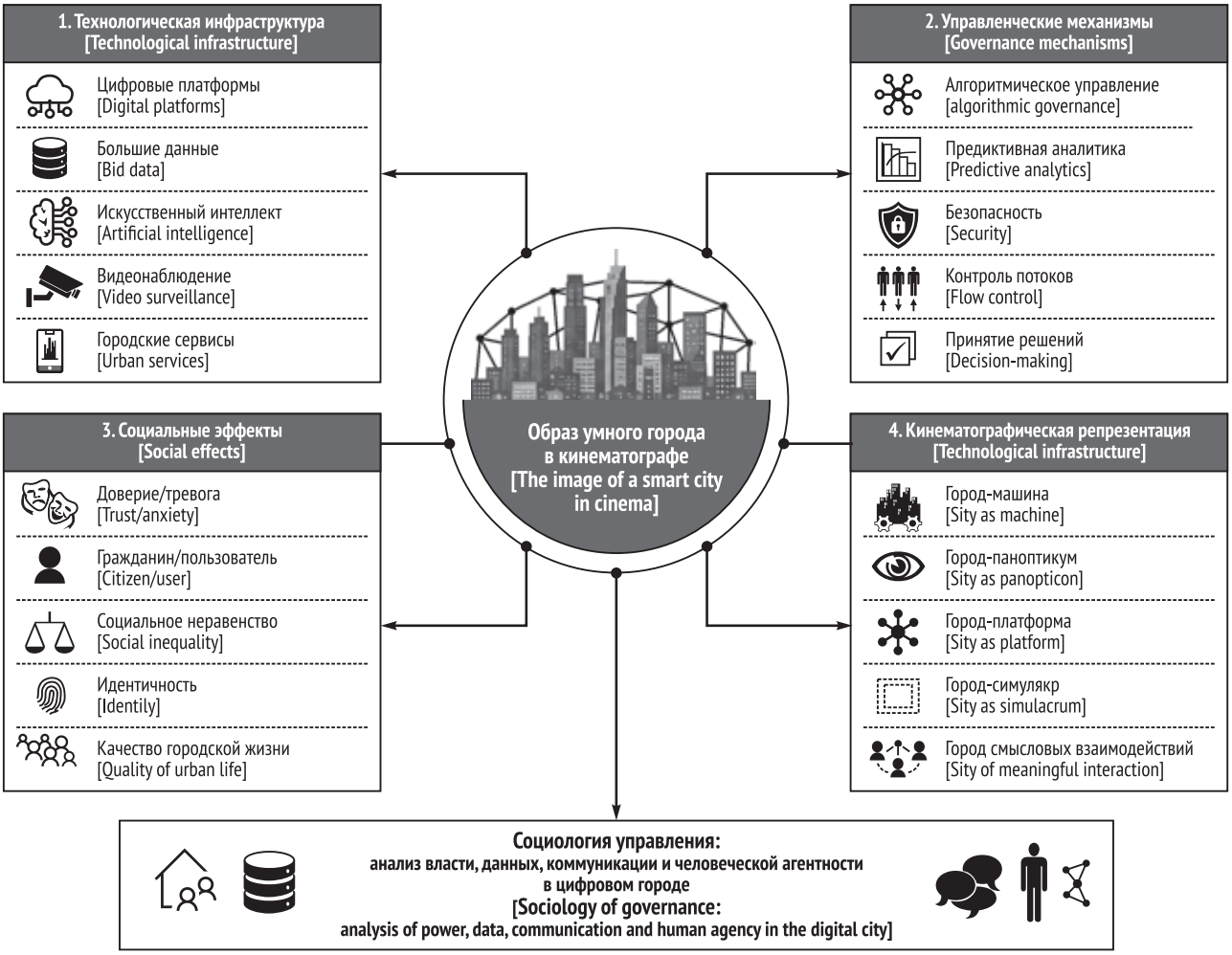

Рис. 1. Кинематографический образ умного города как объект социологии управления

Fig. 1. Cinematographic image of a smart city as an object of management sociology

Если классическая социальная психология города, обращаясь к исследованиям К. Линча, С. Милгрэма, представителей Чикагской школы и отечественной традиции средовой психологии и социологии (И. Вершинина, А. Гараганов), изучала образ города как ментальную, эмоциональную и поведенческую конструкцию, то современная социология управления должна поставить вопрос об образе цифрового и умного города как об управленческой репрезентации [2; 3; 21]. Необходимо выявить, каким город видится не только его жителям, но и администраторам, корпорациям, архитекторам данных, операторам безопасности, разработчикам платформ, политическим элитам и культурным индустриям.

В отличие от традиционного образа города, связанного с улицами, площадями, районами, границами, ориентирами и повседневными маршрутами, образ умного города формируется через интерфейсы, экраны, базы данных, карты перемещений, рейтинги, цифровые профили и алгоритмические прогнозы. Город становится не только воспринимаемой средой, но и вычисляемой средой [8; 24; 25].

Москва в этом смысле представляет особый исследовательский интерес. Каждая историческая эпоха создавала собственную экранную Москву: Москву парадную и Москву коммунальную, Москву оттепели и Москву позднесоветской повседневности, Москву деловую и Москву криминально-тревожную, Москву постсоветского перехода и Москву цифровой модернизации. Эти образы не исчезали, а наслаивались друг на друга, образуя то, что в социологии культуры можно обозначить как культурную стратификацию смыслов. Каждый новый слой написан поверх предыдущего, но предыдущий продолжает просвечивать сквозь него. Поэтому современная экранная Москва умного города не вытесняет Москву историческую, советскую, литературную или кинематографическую, а вступает с ними в сложное взаимодействие, где цифровые технологии соседствуют с памятью двора, метро, площади, университета, окраины, центра, миграционного маршрута и семейной истории.

Но, умный город – это технологическая конфигурация или социальный институт? Если ограничиться первым пониманием (камеры, алгоритмы, транспортные платформы, большие данные, электронные сервисы), мы получим высокотехнологичную, но не обязательно социально ориентированную среду. Умный город

в подлинном смысле начинается с места и права человека внутри технологий [8]. Как он чувствует себя в этой среде? Доверяет ли он ей? Сохраняет ли он в ней агентность, достоинство, способность к рефлексии? Повышается ли уровень и качество его жизни и удовлетворяются ли потребности? Именно здесь кинематограф обнаруживает свою эвристическую ценность, делая видимым то, что статистика, урбанистическая схема и управленческий отчет часто не успевают выразить. Кино показывает не транспортный поток, а усталого человека в этом потоке. Не просто новый район города, а одиночество или надежду отдельного человека в нем. И даже не цифровой сервис, а доверие или тревогу перед лицом умной системы. Абстрактное благоустройство будет подсвечено тем, как поменяется повседневная маршрутизация, деятельность, чувство безопасности и принадлежности. Когда социология управления анализирует институты, механизмы и решения, кинематограф проявляет их человеческую ценность и социальный смысл [5; 7; 9].

Кинематограф часто называют пассивной метафорой «зеркала общества». Зеркало отражает образ, а кинематограф функционирует как механизм смыслового управления, выбирая угол зрения, ритм, интонацию, конфликт, героя и видимые границы, собирая город в новый смысл. Когда город появляется в фильме, он перестает быть фоном и становится актором в сети социальных взаимодействий (Б. Латур) [16]. Улица превращается в судьбу героя. Площадь проявляет место исторической памяти. Метро становится символом коллективного движения, а двор пространством доверия или его утраты. Что касается камер наблюдения, они от «чужеродного взгляда» превратились в образ пространственно-временной безопасности. Экран смартфона сегодня – это новая дверь в городской виртуальный мир, через которую человек входит в инфраструктуру, рынок, администрацию, общение и документооборот.

Социальная урбанистика изучает, как пространство структурирует общество, а кинематограф показывает, как это структурирование переживается изнутри (через тело, взгляд, страх, радость, ожидание, привычку и память). Это и есть то, что П. Бурдьё называл «практическим чувством», воплощенным знанием о социальном пространстве, которое не всегда поддается формализации, но определяет поведение [6]. Горожанин знает, где ускорить шаг, в какой локации остановиться, как почувствовать себя своим, почему иногда гости ощущают отчуждение, когда можно доверять интеллектуальной технологии, а где избегать прямого взгляда. Умный город добавляет к этим практическим знаниям новые коды, от «как вести себя перед камерой и как взаимодействовать с терминалом», до «как понимать навигационный экран, когда реагировать на уведомление и как доверить свои документы алгоритму обработки персональных данных».

Кинематограф рано почувствовал трансформацию города в технологически организованную систему. Уже в фильме Фрица Ланга «Метрополис» город предстает как гигантская машина, разделенная на верхние и нижние уровни, на пространство элиты и пространство труда, на сияющую поверхность и скрытую индустриальную глубину. Хотя этот фильм был создан задолго до появления современных цифровых технологий, он заложил одну из главных визуальных метафор будущего умного города. Оно звучит как манифест о том, что технологическое совершенство не устраняет социальное неравенство, а нередко делает его более жестким, архитектурно закрепленным и эстетически нормализованным. В «Метрополисе» город управляется как механизм, но именно механистичность управления обнаруживает его антигуманную природу. Машина города требует дисциплины, подчинения и жертв. Этот образ продолжает жить в последующих кинематографических репрезентациях, от киберпанка до современных антиутопий платформенного капитализма (табл. 1).

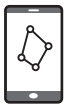
В фильме Ридли Скотта «Бегущий по лезвию» город уже не просто машина, а перенасыщенная знаками, рекламой, искусственными формами жизни и корпоративной властью среда. Здесь будущее города неотделимо от кризиса идентичности. Кто является человеком? Кто имеет право на город? Кто обладает памятью? Кто включен в юридическое и моральное пространство общества? Эти вопросы принципиальны и для социологии управления умным городом.

Цифровая урбанистика постоянно производит классификации: резидент, пользователь, нарушитель, потребитель, пассажир, налогоплательщик, мигрант, риск-профиль. В кинематографе подобные классификации часто доводятся до предела, позволяя увидеть их социально-политическую суть. Умный город обслуживает население и «сортирует его». Цифровой алгоритм, построенный на искусственном интеллекте определяет, какие траектории движения на дорогах допустимы, какое поведение грождан подозрительно, где требуется активное наблюдение, а также какие данные считать значимыми.

В этом отношении кинематографический образ умного города тесно связан с проблемой паноптического и постпаноптического контроля. Если классическая модель дисциплинарной власти предполагала наблюдение из центра, то цифровой город организует распределенное наблюдение, встроенное в инфраструктуру повседневности. Камеры, смартфоны, транспортные карты, биометрические системы, банковские транзакции, геолокационные сервисы и социальные сети формируют пространство постоянной считываемости [8; 14]. Фильмы, посвященные управлению с помощью алгоритмов и цифровому контролю, показывают, что власть в умном городе становится менее видимой, но более глубоко проникающей. Она может быть растворена в удобном приложении, рекомендательном алгоритме онлайнплатформы телеканала, в системе допуска, в автоматизированном решении, которое сложно оспорить, потому что его субъектом выступает не конкретное должностное лицо, а модель и технологическая процедура.

Таблица 1

Основные экранные модели умного города в социологии управления
[Basic screen models of a smart city in the sociology of management]

Экранная модель города [Screen model of the city]	**Кинематографический образ [Cinematic image]**	**Управленческий смысл [Managerial meaning]**	**Социально-политический риск [Sociopolitical risk]**
Город-машина [City-as-a-machine] 	Технологически организованная система, подчиняющая человека логике эффективности [A technologically organized system subordinating the human to the logic of efficiency]	Рационализация, дисциплина, оптимизация потоков [Rationalization, discipline, optimization of flows]	Отчуждение человека, подчинение социальной жизни технократической логике [Alienation of the person, subordination of social life to technocratic logic]
Город-паноптикум [City-as-a-panopticon] 	Пространство тотальной видимости, камер, наблюдения и цифрового контроля [A space of total visibility, cameras, surveillance and digital control]	Безопасность, предиктивное управление, профилактика угроз [Security, predictive management, threat prevention]	Утрата приватности, нормализация надзора, ограничение свободы [Loss of privacy, normalization of surveillance, restriction of freedom]
Город-платформа [City-as-a-platform] 	Город как совокупность сервисов, интерфейсов, рейтингов и цифровых профилей [The city as a set of services, interfaces, ratings and digital profiles]	Сервисизация управления, обратная связь, управление через данные [Servitization of management, feedback, data-driven management]	Редукция гражданина к пользователю, платформенное неравенство [Reduction of the citizen to a user, platform-based inequality]
Город-симулякр [City-as-a-simulacrum] 	Город как поток экранов, рекламных образов, виртуальных сред и медиареальности [The city as a flow of screens, advertising images, virtual environments and media reality]	Символическое управление, производство городской идентичности [Symbolic management, production of urban identity]	Подмена реального участия визуальным потреблением, манипуляция восприятием [Substitution of real participation with visual consumption, manipulation of perception]
Город смысловых взаимодействий [City-of-meaningful interactions] 	Город как пространство памяти, межчеловеческой агентности и культурного диалога [The city as a space of memory, inter-human agency and cultural dialogue]	Гуманизация цифровизации, участие граждан, культурная политика [Humanization of digitalization, citizen participation, cultural policy]	Формализация участия, коммерциализация идентичности, неравный доступ к культурным ресурсам [Formalization of participation, commercialization of identity, unequal access to cultural resources]

Здесь особого внимания заслуживает социологическая перспектива Мануэля Кастельса, для которого современное общество предстает как сетевое, а власть реализуется через управление потоками информации, капитала, образов и коммуникаций. Умный город в кинематографе часто изображается именно как узел сетевого общества. Его реальность определяется невидимыми потоками данных, а городская жизнь становится зависимой от сетевой связности. Отключение от сети означает социальную смерть, потерю доступа к услугам, невозможность перемещения, исчезновение из административного поля. Однако эта связность амбивалентна. С одной стороны, она обеспечивает удобство, мобильность, участие и скорость. С другой же, создает новую уязвимость, поскольку технология, контролирующая сеть, должна быть надежно защищена от внешних воздействий и внутренних ошибок.

Кинематографические антиутопии особенно отчетливо выявляют противоречие между городом как пространством свободы и городом как пространством управляемости. Исторически город был местом эмансипации, анонимности, социальной мобильности, культурного разнообразия и политического действия [17]. Именно в городе возникали новые классы, движения, стили жизни, формы публичности и гражданского единства. Но умный город, ориентированный на предсказуемость и оптимизацию, стремится минимизировать неопределенность. Он хочет заранее знать, где

возникнет пробка, в какой локации может произойти преступление, из-за чего возрастет потребление энергии, как изменится пассажиропоток. В результате городская спонтанность, которая всегда была источником творчества и политической жизни, сегодня интерпретируется как управленческая проблема. Кино, в отличие от технократического дискурса, чувствует драматизм этой ситуации, поскольку полностью предсказуемый город оказывается самоуправляемой системой.

Особенно выразительно эта проблема раскрывается в фильмах, где искусственный интеллект становится центральным посредником между человеком и городской средой. В таких сюжетах город часто предстает как заботливая, но контролирующая среда. Он регулирует освещение, движение, безопасность, коммуникации, потребление, эмоциональный комфорт. Но чем больше город заботится о человеке, тем более неопределенным становится вопрос о границах автономии. Если система знает потребности горожанина раньше, чем он сам их осознает, остается ли он субъектом выбора? Если алгоритм предлагает оптимальный маршрут, оптимальную работу, оптимального партнера, оптимальный режим жизни, не превращается ли социальное управление в мягкую форму предопределения?

Кинематограф отвечает на этот вопрос через конфликт персонажа с системой, сопротивление изменениям, ошибки, любовь, память, повороты судьбы, то есть через все то, что не поддается полной формализации.

С точки зрения социологии управления особого внимания заслуживает образ города-платформы. В современной реальности платформы становятся посредниками между гражданином и городской средой, организуя транспортную логистическую систему, комфортное жилье, безопасность, коммуникацию с администрацией, потребление культурных услуг и даже формы соседского взаимодействия.

В кинематографе город-платформа часто показан как пространство, где все социальные отношения проходят через интерфейс. Человек взаимодействует не с сообществом и не с другим человеком напрямую, а с системой рейтингов, профилей, уведомлений и цифровых разрешений. Такая модель управления кажется гибкой и удобной, но она радикально меняет природу социальной связи. Доверие заменяется репутационным баллом, гражданское участие превращается в пользовательскую активность, подача документов обеспечивается обратной связью через приложение, а социальная солидарность – сетевой координацией.

В этом смысле кинематографический образ умного города позволяет увидеть опасность превращения гражданина в пользователя (табл. 2).

Если умный город конструируется и планируется как сервисная система, то руководство им приобретает технолого-управленческий характер. Социальные конфликты переводятся в язык технических сбоев, а неравенство в язык различий доступа. Политические решения попадают под режим оптимизации. Кинематограф же возвращает политическое измерение туда, где официальная риторика предпочитает говорить о комфорте, инновациях и эффективности.

Таблица 2

Сравнение позиции гражданина и пользователя [Comparison of the position of a citizen and a user]

Гражданин [Citizen]	Пользователь [User]
Участвует в определении общего блага [Participates in defining the common good]	Оценивает сервис [Rates the service]
Способен ставить под вопрос саму структуру выбора [Capable of questioning the very structure of choice]	Выбирает из предложенных опций [Selects from the options provided]
Требует ответственности [Demands responsibility]	Адаптируется к интерфейсу [Adapts to the interface]

В большинстве экранных образов будущего технологически развитый город оказывается глубоко стратифицированным. Верхние уровни принадлежат корпорациям, элитам, обладателям доступа, в то время как нижние мигрантам, изгнанникам, людям без данных или с «плохими» данными. Такая вертикальная и горизонтальная сегрегация выражает реальную социологическую проблему, обозначенную как то, что «цифровая инфраструктура может усиливать уже существующие социальные различия». Доступ к быстрым сервисам, безопасным районам, экологически чистым зонам, качественной мобильности и цифровому представительству распределяется неравномерно. Умный город может быть умным для одних и репрессивным для других. Для привилегированных групп он выступает пространством удобства, для уязвимых он выступает пространством пристального наблюдения и исключения. Кино фиксирует эту двойственность через контраст визуальных режимов. Центр умного города обычно изображается светлым, гладким, прозрачным, управляемым, стерильным. Периферия – темной, шумной, хаотичной, телесной, перегруженной. Но именно периферия часто оказывается пространством человеческой солидарности, сопротивления и скрытой части жизни социума. Эта позиция показывает, что эффективность городской системы не равна качеству городской жизни. Город может быть технически совершенным, но социально бесчувственным. В фантастических фильмах и сериалах мегаполис часто изображается как пространство с совершенной инфраструктурой, однако за внешним порядком скрывается угроза: он либо подавляет личность, либо внушает страх, несмотря на декларируемую безопасность. Существенным направлением анализа являются риски развития городских интеллектуальных технологий и образ безопасности.

Умный город почти всегда легитимирует себя обещанием защиты. Видеонаблюдение, биометрия, предиктивная аналитика, интеллектуальные транспортные системы и цифровые пропуска объясняются необходимостью предотвращения угроз. Однако кинематограф настойчиво задает вопрос: где проходит граница между безопасностью и контролем искусственного интеллекта над человеком? В фильмах о будущем безопасность часто превращается в универсальный аргумент, снимающий этические ограничения. Так возникает логика превентивного управления, в которой человек оценивается по вероятности поступка. Для социологии это принципиально, поскольку моделируется социальная архитектура с будущим горизонтом событий.

Особую значимость приобретает проблема алгоритмической культуры и ответственности. В традиционном управлении решение можно было связать с должностным лицом или нормативным актом, но в умном городе решение часто распределено между программным кодом, базой данных, моделью машинного обучения, оператором системы, подрядчиком, муниципальной администрацией и самим заказчиком. Кино драматизирует эту проблему через ситуацию ошибки, когда по сценарию невиновный объявляется социально опасным человеком, исключаемым из системы, а городская инфраструктура действует против подозреваемого. Подобные сюжеты важны как предупреждение о необходимости новых форм обеспечения социальной безопасности над цифровым управлением.

Следует подчеркнуть, что кинематограф не ограничивается антиутопическими образами. В ряде фильмов город будущего предстает как пространство новых возможностей с экологической перестройкой, горизонтальными коммуникациями, культурным разнообразием, расширением человеческих способностей и преодолением изоляции. Но даже в более оптимистических репрезентациях сохраняется вопрос о субъекте управления. Кто проектирует умный город? Горожане или корпорации? Муниципальная власть или глобальные технологические платформы? Локальные сообщества или транснациональные акторы? Данный вопрос является центральным, поскольку от ответа на него зависит сама природа городского управления. Умный город может быть инструментом развития, если цифровые технологии используются для расширения участия, прозрачности и совместного принятия решений.

Отдельного внимания заслуживает киноинфраструктура как элемент креативной экономики города. Москва активно развивает кинематографическую инфраструктуру. Появился кинопарк «Москино», модернизированы студии, открыты новые производственные павильоны, городские кинотеатры, фестивали, образовательные программы и система поддержки аудиовизуального производства. Формируется новая институциональная ткань города. Киностудия или кинопарк становятся точкой притяжения, вокруг которых соединяются профессии, технологии, образование, туризм, городская память и креативная экономика (Р. Флорида) [23]. Там работают режиссеры и актеры, но рядом с ними инженеры, архитекторы виртуальных пространств, дизайнеры, продюсеры, специалисты по данным, исследователи аудитории, педагоги, урбанисты, историки города и представители сервисных индустрий [24].

Искусством коллективного производства можно назвать современное кинопроизводство, и в этом смысле оно изоморфно самому городу как социальной системе. Москва получает возможность не только быть местом съемок, но и быть автором собственного образа. Не ждать, пока ее кто-то «изобразит», а самой создавать сложный, современный, достойный экранный язык о себе. Город, который себя снимает, начинает себя осознавать. Это уже не просто социально-культурная активность, а акт рефлексивной модернизации в понимании Ульриха Бека, когда общество наблюдает за последствиями собственного развития, интерпретирует их, спорит с ними и через культуру корректирует свою траекторию [3; 9; 13].

Важнейшая функция кинематографа состоит в том, что он делает видимыми скрытые ценностные основания городского управления. Технические системы и интеллектуальные технологии воплощают определенные представления о нормальном поведении, желаемом порядке, допустимом риске, эффективном жителе, опасном субъекте, правильной мобильности и рациональном использовании пространства. Кино же переводит эти невидимые нормы в образы, показывая, каким становится человек в умном городе и каким становится общество, когда доверие к технологическим решениям не получает своего развития.

Вместе с тем современный город сталкивается с проблемой экологии внимания. Городской житель ежедневно пребывает в мире множества экранов. Экран больше не принадлежит только кинотеатру, а находится большую часть времени в руке, либо на стене, в транспорте, в аудитории, дома, в общественном пространстве [10; 11]. Человек живет в визуальном потоке и редко говорит себе: «Я просто смотрю кино»; «вот только еще это короткое видео, а затем выключу экран»; «интересные рекомендации платформы, но посмотрю другое». Чаще всего мы фиксируем фоновый просмотр экранов (телефон – телевизор) и утрату меры (увеличение экранного времени) информационного потребления. Смотреть уже означает участвовать и позволять образу входить в сознание, формировать ожидания, вызывать тревогу или позволять пробуждаться новому доверию к умным устройствам (домашняя колонка, управляющая домом или общающаяся в чате). Это соотносится с критикой «одномерного потребления» Герберта Маркузе, когда человек принимает предложенный образ без достаточной критической дистанции [19; 20].

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

Городская загруженность, перестав быть только транспортной стала информационно – экранной: уведомления, видеопотоки, реклама, интерфейсы, визуальные стимулы. Все они борются за секунды внимания, которое становится новейшей городской ценностью. Экология внимания все активнее входит в дискурс социологии управления, медиаисследований и городской антропологии. Человек может жить в благоустроенной среде, пользоваться удобными сервисами и при этом оставаться внутренне рассеянным, тревожным, истощенным избытком сигналов. Умный город обязан учитывать не только скорость обработки данных, но и пределы человеческого восприятия. Кинематограф в этой ситуации способен стать пространством сосредоточенного взгляда и пространством возвращения человека к самому себе. Настоящее кино учит видеть, не ускоряя восприятие до бесконечности, а, организуя его, заставляет различать детали, интонации, связи между частным и общим. Умному городу нужен не только пользователь сервисов, но индивид, обладающий культурой зрения. Без этого цифровая среда рискует превратиться в непрерывный поток управляемых стимулов, где субъект теряет способность к интерпретации, сомнению и выбору.

Отечественные и зарубежные кинопроизведения давно рассказывает нам истории об умных машинах, цифровом контроле, виртуальных мирах, технологическом одиночестве и надежде на новый тип связности. Эти истории наполнены то утопической верой, то тревогой, то иронией, то страхом перед утратой человеческой меры. И когда человек сталкивается с реальными технологиями умного города, он приносит с собой эти культурные схемы восприятия. Он видит не только камеру, приложение или алгоритм, он видит за ними уже известные ему сюжеты – о защите, слежке, ошибке машины, восстании системы, исчезновении приватности или, напротив, о комфорте, помощи и новом качестве жизни.

Поэтому внедрение технологий требует гуманитарной чуткости. Необходимо понимать, какие страхи уже живут в культуре, какие ожидания сформированы экраном, какие нарративы влияют на доверие или недоверие к системе. Кинематограф здесь может выступать культурным медиатором, предоставляя обществу возможность проговорить внутреннюю тревогу, границы цифровизации, достоинство человека, ответственность, право ИИ и право человека на ошибку. Это делает кинематограф важной составляющей культурной политики умного города. Методологически исследование образа умного города в кинематографе может опираться на несколько подходов (табл. 3).

Таблица 3

Подходы, исследующий умный город в кинематографе
[Approaches to exploring the smart city in cinema]

Подход [Approach]	**Возможности [Possibilities]**
Визуально-социологический [Visual-sociological]	Аналитика городских пространств, архитектурных форм, цветовых решений, режимов освещения, композиции кадра и способов изображения людей, власти, транспорта, границ и интерфейсов [Analysis of urban spaces, architectural forms, color schemes, lighting modes, frame composition, and methods of depicting people, power, transport, borders, and interfaces]
Дискурсивный [Discursive]	Изучение того, как персонажи говорят о городе, безопасности, свободе, данных, будущем и порядке [Exploring how characters talk about the city, safety, freedom, data, the future, and order]
Социально-политический [Socio-political]	Рассмотрение экранного города как модели социального управления [Consideration of the screen city as a model of social management]
Киноведческий [Film Studies]	Выявление жанровых кодов, исторической преемственности образов, связи между нуаром, научной фантастикой, киберпанком, антиутопией и постапокалиптическим кино [Identifying genre codes, the historical continuity of images, and the connections between film noir, science fiction, cyberpunk, dystopia, and post-apocalyptic cinema]
Сравнительно-цивилизационный [Comparative civilizational]	Сопоставление западных, азиатских, российских и глобальных репрезентаций цифрового города [A comparison of Western, Asian, Russian, and global representations of the digital city]
Институционально-экономический [Institutional and economic]	Раскрытие киноинфраструктуры как фактора креативной экономики, городской идентичности и культурной политики [Uncovering film infrastructure as a factor in the creative economy, urban identity and cultural policy]

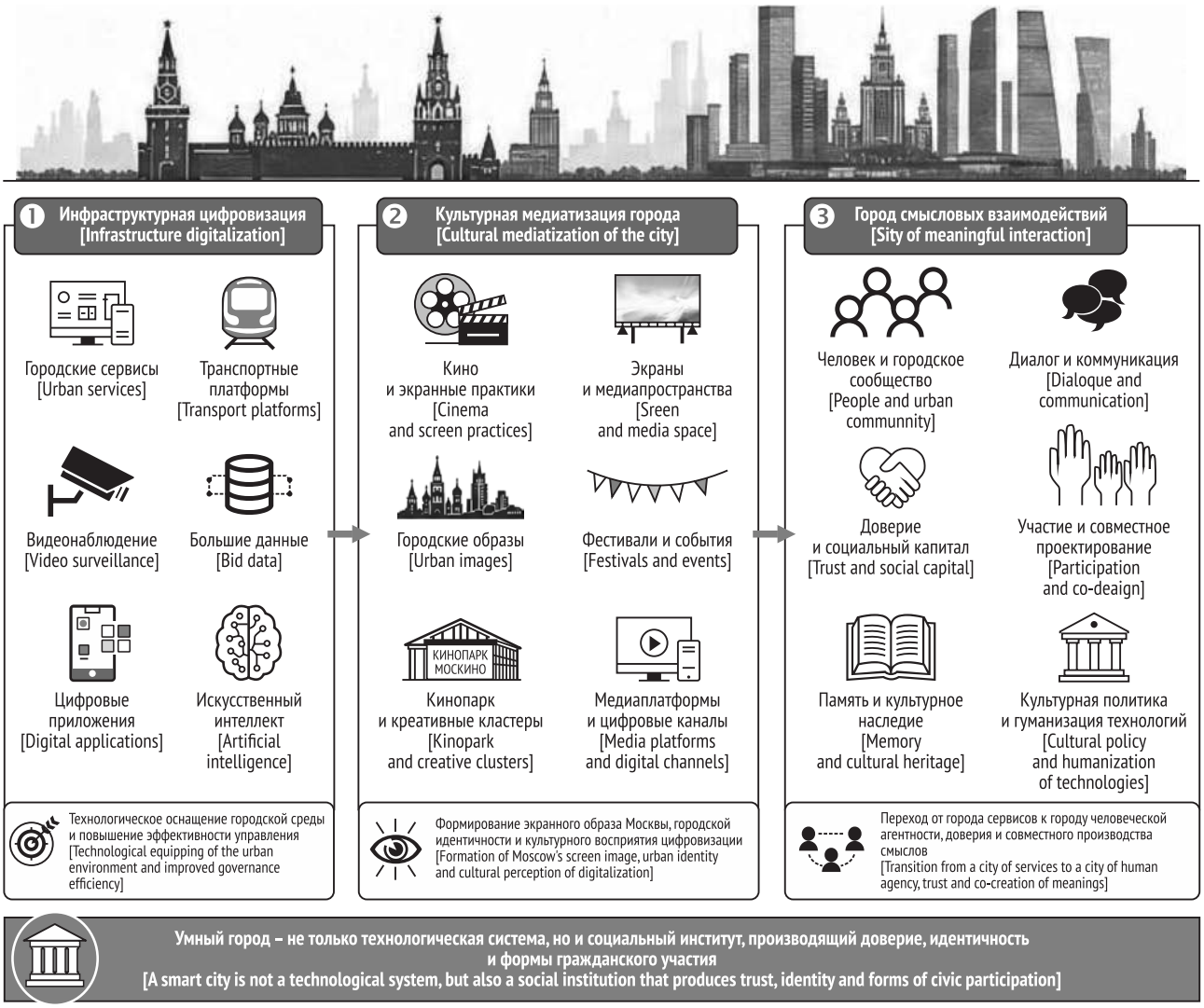

Рис. 2. Москва – умный город – социальный институт
Fig. 2. Moscow – a smart city – a social institution

Особого внимания заслуживает различие между американской, европейской и азиатской экранной традицией изображения умного города. В американском кино технологический город часто связан с конфликтом индивидуальной свободы и системного контроля. Европейская традиция чаще акцентирует бюрократическую абсурдность, отчуждение и кризис публичной сферы. Восточноазиатский кинематограф, особенно японский и южнокорейский, нередко соединяет тему высокотехнологичной урбанизации с мотивами телесности, памяти, травмы, корпоративной дисциплины и перенаселенности. Российский кинематограф пока значительно реже создает полноценный образ умного города, однако именно это отсутствие является социологически значимым, свидетельствуя о разрыве между управленческой риторикой цифровизации и недостаточной художественной артикуляцией будущего городской жизни.

В российском контексте тема умного города приобретает особую политико-социологическую остроту. Цифровизация городского управления развивается на фоне централизации власти, неравномерности регионального развития, различий между столицами и периферией, слабости муниципальной автономии и осознанным гражданским участием в благоустройстве и защите своего города. Поэтому образ умного города не может быть сведен к технологической модернизации. Для России имеет значение, как и когда цифровой (умный) город станет средством расширения возможностей местных сообществ. Как будет использована городская аналитика для диалога с жителями и сможет ли цифровая инфраструктура улучшить положение социально уязвимых групп населения? Москва в данном отношении может быть рассмотрена как лаборатория противоречивой, но чрезвычайно значимой трансформации от города инфраструктур к городу смысловых взаимодействий (рис. 2). Конкурентоспособность мегаполиса сегодня определяется тем, насколько он осмыслен. Другими словами, насколько человек чувствует, что он не потерян в большом городе, что у города есть

память, образ, интонация и человеческая мера. Кинематограф помогает эту меру сохранить. Он соединяет пространство и судьбы, технологии и эмоции, городское развитие и человеческий голос.

Практическая значимость исследования. С позиций социологии управления проведенный анализ позволяет сформулировать ряд практико-ориентированных положений.

1. Киноинфраструктура должна рассматриваться как стратегический элемент развития мегаполиса, как узел городской жизни, креативной экономики, занятости, образования и символического производства.
2. Необходима поддержка фильмов о городе как живом социальном организме, рассказывающих о районах, людях, университетах, локальных сообществах, новых профессиях, формах солидарности и конфликтах цифровой повседневности.
3. Медиаграмотность должна стать частью образования горожанина. Любой житель умного города обязан понимать язык экрана так же, как язык города, поскольку оба языка сегодня формируют его социальную ориентацию.
4. Цифровизация умного города должна сопровождаться культурным объяснением для снижения недоверия инновациям и технологиям.
5. Кино следует активнее включать в университетское образование, как метод разговора о современном обществе, городе, власти, технологиях и человеке.

Кинематограф способен поставить эти вопросы в форме, доступной не только экспертам, но и широкой аудитории. В этом заключается его общественная значимость. Фильм о городе будущего является одновременно художественным произведением, политическим высказыванием и социологическим симптомом. Он показывает, какие страхи общество связывает с технологиями, каких форм власти оно опасается, какие надежды возлагает на инфраструктурную модернизацию, какие образы сохраняет. Поэтому анализ кино должен войти в исследовательский арсенал социологии управления как полноценный источник знания о социальных представлениях, ценностных конфликтах и сценариях будущего.

ВЫВОДЫ

Образ умного города в кинематографе представляет собой сложный многослойный объект исследования. Он включает в себя визуальные репрезентации пространства, модели власти, представления о гражданине, сценарии технологического развития, страхи перед контролем, надежды на комфорт, конфликты между центром и периферией, человеком и системой, свободой и безопасностью, памятью и прогнозом, политикой и алгоритмом. Кино показывает, что умный город (не только город датчиков, платформ и искусственного интеллекта), а место, в котором решаются вопросы о будущем социальности.

- Станет ли город пространством совместной жизни или управляемой изоляции?
- Будет ли цифровая инфраструктура служить человеку или человек станет приложением к инфраструктуре?
- Возможно ли открытое и ответственное управление в условиях непрозрачности алгоритмов?
- Обретет ли город возможность быть связанным пространством смысловых взаимодействий или лишь совокупностью оптимизированных процедур?

Социология управления, обращаясь к феномену умного города, должна преодолеть административное и технократическое понимание городской цифровизации. Необходимо исследовать социальные последствия внедрения интеллектуальных технологий, трансформацию гражданского общества и его нейросоциального интеллекта. Кинематограф в этом отношении выступает уникальной лабораторией социального воображения. Он заранее проигрывает те конфликты, которые затем становятся предметом политических дискуссий, управленческих решений и общественных кризисов.

Москва как умный город будущего нуждается в глубоком культурном зрении, в способности видеть за инфраструктурой человека, а за цифрами реальную адресную помощь. В этом ключе кинематограф становится важнейшей смысловой инфраструктурой, помогая городу понимать, зачем, как и с кем он развивается, не просто становясь умнее, а оставаясь человечным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева; под ред. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 413 с. ISBN: 978-5-9950-0421-9.
2. *Бауман З.* Текучая современность / пер. с англ. С.А. Комарова; под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 238 с. ISBN: 978-5-469-00034-1. EDN: QOABEJ.
3. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. ISBN: 5-89826-059-5. EDN: RAYTKJ.
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с. ISBN: 5-85691-036-2.

REFERENCES

1. *Anderson B.* Imagined communities: Reflections on the origins and spread of nationalism. V.G. Nikolaev (transl. from English). S.P. Bankovskaya (ed.). Moscow: Kuchkovo Pole, 2016. 413 p. ISBN: 978-5-9950-0421-9.
2. *Bauman Z.* Liquid modernity. S.A. Komarov (transl. from English). Yu.V. Asochakov (ed.). St. Petersburg: Piter, 2008. 238 p. ISBN: 978-5-469-00034-1. EDN: QOABEJ.
3. *Beck U.* Risk society: Towards a new modernity. V. Sedelnik, N. Fedorova (transl. from German). Moscow: Progress-Tradition, 2000. 384 p. ISBN: 5-89826-059-5. EDN: RAYTKJ.
4. *Berger P., Luckmann T.* The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge. E. Rutkevich (transl. from English). Moscow: Medium, 1995. 323 p. ISBN: 5-85691-036-2.

5. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе / предисл., сост., пер. и прим. С.А. Ромашко. М.: Медиум, 1996. 239 с. ISBN: 5-85691-049-4.
6. *Бурдье П.* Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; отв. ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с. ISBN: 5-89329-351-7. EDN: QOGTMH.
7. *Вирильо П.* Машина зрения / пер. с фр. А.В. Шестаков; под ред. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. 140 с. ISBN: 5-02-026858-3. EDN: QXICCN.
8. *Гараганов А.В.* Потенциал внедрения интеллектуальных технологий для обеспечения социальной безопасности в современном городе (на примере Москвы): автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2025. 26 с.
9. *Гараганов А.В.* Социология. Психология. Педагогика: сб. науч. тр. В 3-х т. СПб.: НИЦ АРТ, 2023. Т. 2. 96 с. ISBN: 978-5-00231-010-4. DOI: 10.51623/00231-010.23. EDN: KFNXTH.
10. *Гараганов А.В.* Представления о качестве жизни и потребностная сфера молодежи. М.: Спутник+, 2015. 104 с. ISBN: 978-5-9973-3590-8. EDN: YYJYCV.
11. *Гараганов А.В.* Методологические основы исследования нейросоциального интеллекта студентов, использующих цифровые технологии // Человек и образование. 2023. № 2 (75). С. 76–85. DOI: 10.54884/S181570410026448-7. EDN: NCQQCD.
12. *Гараганов А.В.* Как фильмы про искусственный интеллект влияют на отношение жителей мегаполисов к технологиям умного города // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 6. С. 203–209. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-6-203-209. EDN: EZKPLC.
13. *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2005. 528 с. ISBN: 5-8291-0629-9. EDN: TNIRKP.
14. *Делёз Ж.* Post-scriptum к обществам контроля // Переговоры, 1972–1990 / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. С. 226–231. ISBN 5-02-026845-3. EDN: QWGJQZ.
15. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 607 с. ISBN: 5-7598-0069-8. EDN: QQLCTZ.
16. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с. ISBN 978-5-7598-0819-0. EDN: SYZVMJ.
17. *Лефевр А.* Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с. ISBN 978-5-906264-41-1. EDN: TRPTCI.
18. *Линч К.* Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. и ред. А.В. Иконников. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
19. *Мамфорд Л.* Город в истории: его истоки, трансформации и перспективы / пер. и ред. А.В. Лазарева. М.: Центрполиграф, 2001. 796 с. ISBN: 5-227-01254-3.
20. *Маркузе Г.* Одномерный человек / пер. с англ. А.А. Юдина; предисл. и примеч. А. Юдиной; под ред. А. Жаровского. М.: REFL-book, 1994. 368 с. ISBN: 5-87983-016-0.
21. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии / пер. с англ. Н. Вахтина и др. СПб.: Питер, 2000. 336 с. ISBN: 5-8046-0124-5.
22. *Митчелл У.* Я++: человек, город, сети / пер. с англ. Д. Симановского. М.: Strelka Press, 2012. 327 с. ISBN: 978-5-9903364-1-4.

5. *Benjamin W.* The work of art in the age of mechanical reproduction: Selected essays. S.A. Romashko (ed., transl., foreword, notes). Moscow: Medium, 1996. 239 p. ISBN: 5-85691-049-4.
6. *Bourdieu P.* Practical sense. A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko (transl. from French). N.A. Shmatko (ed.). St. Petersburg: Aleteia, 2001. 562 p. ISBN: 5-89329-351-7. EDN: QOGTMH.
7. *Virilio P.* The vision machine. A.V. Shestakov (transl. from French). V.Yu. Bystrov (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2004. 140 p. ISBN: 5-02-026858-3. EDN: UQXVBN.
8. *Garaganov A.V.* Potential for the implementation of intelligent technologies to ensure social security in a modern city (using Moscow as an example). Abstract of dis. ... of Cand. Sci. (Sociol.). Moscow, 2025. 26 p.
9. *Garaganov A.V.* Sociology. Psychology. Pedagogy: Collection of scientific works. In 3 vols. St. Petersburg: Scientific and Information Center A.R.T., 2023. Vol. 2. 96 p. ISBN: 978-5-00231-010-4. DOI: 10.51623/00231-010.23. EDN: KFNXTH.
10. *Garaganov A.V.* Ideas about the quality of life and the needs of young people. Moscow: Sputnik+, 2015. 104 p. ISBN: 978-5-9973-3590-8. EDN: YYJYCV.
11. *Garaganov A.V.* Methodological foundations of the study of neurosocial intelligence of students using digital technologies. *Man and Education*. 2023. No. 2 (75). Pp. 76–85. (In Rus.). DOI: 10.54884/S181570410026448-7. EDN: NCQQCD.
12. *Garaganov A.V.* How films about artificial intelligence influence the attitude of metropolitan residents towards smart city technologies. *Sociopolitical Sciences*. 2024. Vol. 14. No. 6. Pp. 203–209. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-6-203-209. EDN: EZKPLC.
13. *Giddens E.* The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Moscow: Academic Project, 2005. 528 p. ISBN: 5-8291-0629-9. EDN: TNIRKP.
14. *Deleuze G.* Postscript on the societies of control. In: Negotiations, 1972–1990. V.Yu. Bystrov (transl. from French). St. Petersburg: Nauka, 2004. Pp. 226–231. (In Rus.). ISBN: 5-02-026845-3. EDN: QWGJQZ.
15. *Castells M.* The information age: Economy, society and culture. Transl. from English. O.I. Shkaratan (ed.). Moscow: HSE University, 2000. 607 p. ISBN: 5-7598-0069-8. EDN: QQLCTZ.
16. *Latour B.* Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory. I. Polonskaya (transl. from English). S. Gavrilenko (ed.). Moscow: HSE University, 2014. 384 p. ISBN: 978-5-7598-0819-0. EDN: SYZVMJ.
17. *Lefebvre A.* The production of space. I. Staf (transl. from French). Moscow: Strelka Press, 2015. 432 p. ISBN: 978-5-906264-41-1. EDN: TRPTCI.
18. *Lynch K.* The image of the city V.L. Glazychev (transl. from English). A.V. Ikonnikov (ed., comp.). Moscow: Stroyizdat, 1982. 328 p.
19. *Mumford L.* The city in history: Its origins, its transformations, and its prospects. A.V. Lazarev (transl. and ed.). Moscow: Tsentrpoligraf, 2001. 796 p. ISBN 5-227-01254-3.
20. *Marcuse H.* One-dimensional man. A.A. Yudin (transl. from English). A. Yudina (pref., notes). A. Zharovsky (ed.). Moscow: REFL-book, 1994. 368 p. ISBN: 5-87983-016-0.
21. *Milgram S.* The individual in social word. N. Vakhtina et al. (transl. from English). St. Petersburg: Piter, 2000. 336 p. ISBN: 5-8046-0124-5.
22. *Mitchell W.* Me++: The cyborg self and the networked city. D. Simanovsky (transl. from English). Moscow: Strelka Press, 2012. 328 p. ISBN: 978-5-9903364-1-4.
23. *Florida R.* The rise of the creative class and how it's transforming work, leisure, community and everyday life.

23. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А. Константинова. М.: Классика-XXI, 2005. 419 с. ISBN 5-89817-086-3.
24. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с. ISBN: 5-86693-038-3.
25. *Харви Д.* Право на город. пер. с англ. М.А. Котлярова. Екатеринбург: Альфа Принт, 2019. 36 с. ISBN: 978-5-907080-69-0.

A. Konstantinov (transl. from English). Moscow: Klassika-XXI, 2005. 419 p. ISBN: 5-89817-086-3.
24. *Foucault M.* Discipline and punish: The birth of the prison. V. Naumov (transl. from French). Moscow: Ad Marginem, 1999. 480 p. ISBN: 5-86693-038-3.
25. *Harvey D.* The right to the city. M.A. Kotlyarov (transl. from English). Yekaterinburg: Alfa Print, 2019. 36 p. ISBN: 978-5-907080-69-0.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 92,68%

Р е ц е н з е н т: *Данова О.В.*, кандидат социологических наук; генеральный директор, кинокомпания «Общественное мнение»

Статья поступила в редакцию 30.04.2026, принята к публикации 03.06.2026
The article was received on 30.04.2026, accepted for publication 03.06.2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гараганов Артур Владимирович, кандидат социологических наук; кафедра социологии, факультет социальных наук и массовых коммуникаций; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; г. Москва, Российская Федерация. ORCID: 0000-0002-7886-2896; Scopus Author ID: 57142482000; РИНЦ Author ID: 917688; SPIN-код: 6780-5644; E-mail: arturcompany21@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Artur V. Garaganov, Cand. Sci. (Sociol.); Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications; Financial University under the Government of the Russian Federation; Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7886-2896; Scopus Author ID: 57142482000; RSCI Author ID: 917688; SPIN-code: 6780-5644; E-mail: arturcompany21@gmail.com